

DOI: 10.17805/trudy.2016.1.2

## РЯЗАНЬ И ПОЛОВЦЫ В ПЕРИОД УДЕЛЬНОЙ РАЗДРОБЛЕННОСТИ (СЕРЕДИНА XII – НАЧАЛО XIII В.)

А. А. Инков

(Московский гуманитарный университет)

**Аннотация:** В статье рассматриваются некоторые особенности русско-половецких отношений в домонгольское время на примере взаимоотношений кочевников с Рязанским княжеством.

**Ключевые слова:** Рязань; Рязанское княжество; история России; половцы; Суздаль; домонгольский период; русско-половецкие отношения

## RYAZAN AND CUMANS IN THE PERIOD OF APPANAGE FRAGMENTATION

A. A. Inkov

(Moscow University for the Humanities)

**Abstract:** This article discusses some features of Russo-Polovtsian relations in the pre-Mongolian time on the example of the relationship between nomadic peoples and the Principality of Ryazan.

**Keywords:** Ryazan; Principality of Ryazan; history of Russia; Cumans (Polovtsi); Suzdal; pre-Mongol period; Russo-Polovtsian relations

Отношения Рязанской земли с половцами скудно освещены в русском летописании. Большинство сведений о них сохранилось в сильно разбросанном виде, главным образом, в источниках позднего происхождения<sup>1</sup>: Лаврентьевской (XIV в.), Ипатьевской (XV в.) и Никоновской летописях (XVI в.), а также «Истории» В. Н. Татищева (XVIII в.), который использовал при написании своего труда многие не дошедшие до нас летописи. Что касается археологических данных, то их находки в Подонье также крайне немногочисленны. Поэтому плохое состояние источников предопределило традиционно достаточно слабый интерес исследователей к проблеме

половецко-рязанских отношений.

В дореволюционной историографии эта тема нашла отражение лишь в работах Д. И. Иловайского (Иловайский, 1997), в советской — А. Л. Монгайта (Монгайт, 1961). При этом оба автора основное внимание уделяли прежде всего внутренней истории Рязанской земли, отношения с половцами исследовались ими лишь в той мере, в какой они позволяли создать исторический фон, на котором протекала политическая история Рязани.

Единственная (известная автору данной статьи) небольшая работа, специально посвященная половецко-рязанским отношениям, принадлежит М. В. Цыбину (Цыбин, 1999). Однако в ней рассматриваются преимущественно только военные столкновения Рязани и половцев. Кроме того, М. В. Цыбин исследовал половецко-рязанские отношения сами по себе, без учета факторов внешнего и внутреннего развития как самого Рязанского княжества, так и половецких племен, хотя в конечном итоге именно эти факторы оказывали решающее влияние на отношения между ними. К сожалению, вышедшее недавно исследование М. В. Кривошеева (Кривошеев, 2000)<sup>2</sup> по истории Рязанского княжества также не вносит ничего нового в изучение проблемы. Поэтому в данной статье мы попытаемся в определенной степени заполнить имеющийся пробел и выделить основные факторы развития половецко-рязанских отношений в XII — начале XIII в.

По сравнению с другими крупными политическими центрами Руси (Киевом, Черниговом, Переяславлем), Рязанское княжество вступило в отношения с половцами достаточно поздно. Первое упоминание о половцах в рязанском летописании относится к 1131 г. По сообщению источника в этом году «князи Рязанские, Пронские и Муромские много половецъ побиша» (Полное собрание ..., 1965а: 157). Судя по тому, что приведенные в источнике сведения не совсем связаны по смыслу (не сообщается, при каких обстоятельствах рязанские князья разбили половцев), очевидно, перед нами отрывок о какой-то половецко-рязанской войне, начало которого не сохранилось. Известен лишь результат этой войны — половцы потерпели поражение. Однако можно полагать, что половецко-рязанской войне предшествовали какие-то события, возможно, связанные с появлением по-ловцев у границ Рязани.

Сохранившаяся летописная традиция связывает начало половецко-рязанских отношений с походами южнорусских князей Владимира Мономаха и Мстислава Великого против половцев в начале XII века, результатом которых стало бегство половецких орд «за Дон» (Монгайт, 1961: 337). Судя по тому, что в междуречье Днепра и Дона большое количество половецких орд продолжали кочевать и после походов Владимира Мономаха, очевидно, что за Дон ушли всего несколько юрт кочевников. По видимому, первоначально эти орды были объединены в некий крупный

военно-политический союз<sup>3</sup>, который преследовал целью освоение новых земель в левобережье Дона. Возможно, что во владения этой половецкой группировки входили также и некоторые земли в правобережье Дона, поскольку часть орд, прежде кочевавших в этом районе, была вытеснена отсюда русскими дружинами в предшествующее время. Хотя первоначально союз задонских половцев не был направлен против русских земель в верховьях Дона, его появление в левобережье Дона, по-видимому, несло в себе определенную угрозу для Рязанской земли (там же), границы которой со стороны степи в это время были практически ничем не защищены.

Тем не менее, можно предполагать, что расселявшиеся в левобережье Дона пришлые половецкие орды первоначально не были напрямую заинтересованы в столкновении с сильным Рязанским княжеством. В этот период половцев больше занимало решение внутренних проблем, связанных, главным образом, с закреплением в новых землях. Почему же в 1131 г. началась половецко-рязанская война? Хотя источники не дают на этот вопрос прямого ответа, можно полагать, что ее причины были связаны, прежде всего, с новыми передвижениями половецких орд в Подонье. Известно, что в конце 20-х гг. XII в. в район Северского Донца из предкавказских степей и Грузии вернулась половецкая орда хана Атрака, которая вынуждена была уйти под ударами русских дружин в 1116 г. из мест своего прежнего кочевания. Если верно наше предположение, что в ее отсутствие часть бывших владений донецких половцев была захвачена другими ордами, то теперь с возвращением Атрака последние вынуждены были уступить их обратно прежним владельцам. В первую очередь, это относилось к задонским половцам, владения которых располагались наиболее близко к Северскому Донцу. Утрата богатых пастбищ в правобережье Дона, а, возможно, и поражение в военном столкновении с ордой Атрака привели к тому, что к 1131 г. задонские половцы были оттеснены на север к границам Рязанского княжества<sup>4</sup>. Война с Рязанью была для половцев неудачной. Половецкое войско было разбито, а, судя по тому, что в последующие два десятилетия источники не фиксируют каких-либо набегов кочевников на Рязань, можно полагать, что поражение в войне привело также и к распаду самого военно-политического союза половецких орд. По-видимому, другим результатом этого поражения стало признание частью половцев своей зависимости от рязанских князей, которая была закреплена в следующем году в Рязани переходом некоторых половецких ханов в христианство (Полное собрание ..., 1965а: 236). Очевидно, что в 30-е годы между Рязанью и половцами были заключены также определенные военные соглашения, о существовании которых позволяет говорить участие половцев в 1147–1149 гг. в борьбе рязанского князя Ростислава против суздальского князя Юрия Владимировича Долгорукого

(Полное собрание ... , 2001b: 331, 375; Полное собрание ... , 1949: 39).

Несмотря на поражение в войне с Рязанью в первой половине XII в. половецкие орды продолжали активно расселяться в левобережье Дона. Как показывают археологические данные, основная масса половцев оседала в междуречье Дона и Хопра, а также на правых притоках Хопра (Цыбин, 1999: 133). Однако половецкие орды были и на Нижнем Дону, на Волге и даже в Заволжье (Плетнева, 1963: 258; Федоров-Давыдов, 1969: 253-262). Вместе с тем, после 1131 г. на протяжении всего XII и начала XIII вв. в междуречье Дона и Волги больше так и не сложилось значительных политических объединений половцев. Тем не менее источники фиксируют здесь множество крупных и мелких половецких орд. Локализация этих орд затрудняется тем, что древнерусские летописи, являющиеся нередко единственными источниками о половцах, как правило, не сообщают их местонахождение, а археологические данные являются очень скудными. Сохранилось название всего нескольких крупных половецких орд. Одной из таких орд была орда Елтукове. Судя по тому, что в 1147 г. в нее бежал, спасаясь от войск Юрия Долгорукого, рязанский князь Ростислав Ярославич, можно полагать, что орда Елтукове кочевала поблизости от рязанских границ. Очевидно, ее кочевья располагались в междуречье Дона и Хопра (Плетнева, 1975: 277; Цыбин, 1999: 135), где археологами найдено несколько каменных изваяний и могильников половецкого времени. По мнению ряда историков, между ордой Елтукове и Рязанским княжеством в непосредственной близости от его границ, возможно, кочевала также орда диких половцев, с которой связывают найденные на Среднем Дону остатки поселений с древнерусской керамикой и почти без культурного слоя, что является свидетельством кратковременности или сезонности пребывания на этих поселениях населения. Однако, не исключено, что эти поселения вполне могли принадлежать и бродникам (Плетнева, 1964: 25, рис. 11), которые также известны по источникам. Что касается письменных источников, то они ничего не говорят о присутствии между ордой Елтукове и рязанскими землями орды диких половцев. Возможно, что указанные поселения также принадлежали орде Елтукове, летние и зимние стойбища которой располагались недалеко от рязанской границы.

Под 1152 г. летописец говорит о двух больших половецких ордах, кочевавших между Волгой и Днепром — Токсобичах и Отперлюеве (Полное собрание ... , 2001b: 455). Кочевья этих орд помещаются историками в междуречье среднего течения Северского Донца и Оскола. Они располагались далеко от границ Рязанской земли и потому, по-видимому, редко сталкивались с рязанскими князьями. В политическом отношении ханы этих половецких группировок тянули к черниговским и особенно к новгород-северским князьям, с которыми они находились в родственных

отношениях (Плетнева, 1975: 277).

Еще одна крупная половецкая орда, известная по источникам как «Емакове», кочевала между Доном и Волгой. Она упоминается в источниках второй половины XII в. и неизвестна в более ранних известиях. Предположительно, орда Емакове кочевала поблизости от границ Волжской Булгарии. Не исключено, что она принадлежала к поволжским половцам и в политическом отношении была связана с враждебными Рязани волжскими булгарами и владими́ро-суздальскими князьями.

В середине — второй половине XII в. формируется граница Рязанской земли с половцами. По данным В. В. Каргалова, она шла через верховья Дона и Воронежа к месту слияния Цны с Мокшей до города Кадома включительно (Каргалов, 1967: 36–37). Устойчивая граница со степью проходила по р. Проне (Насонов, 1951: 204), хотя отдельные рязанские города были и на р. Воронеже, и в бассейне верхней Вороны<sup>5</sup>.

Особенностью рязанского пограничья было то, что оно было сравнительно слабо заселено земледельческим населением. Это затрудняло организацию обороны против кочевников, которые нередко раскидывали свои кочевья прямо внутри русских земель. Кроме того, часть рязанских земель, особенно в междуречье Воронежа и Цны, настолько глубоко вдавалась внутрь половецких степей, что владения кочевников окружали их с трех сторон. Условия хозяйствования в этом районе благоприятствовали как занятию пашенным земледелием, так и благодаря обилию остепненных участков кочевническому скотоводству. Вследствие этого, по мере расселения в Левобережье Дона, отдельные половецкие орды стремились освоить и эти земли. Поскольку земледельческая культура была чужда половцам, то, сталкиваясь с ней, они сжигали поселки, уничтожали или стогнали земледельческое население, вытаптывали посевы и выгоняли на поля скот. В свою очередь, древнерусское население также пыталось приспособить окружающий ландшафт под свои условия хозяйствования: распахивало степи и пускало по ним пал, наносивший огромный ущерб зимним пастбищам кочевников. Существование двух противоположных хозяйственных укладов, при известных различиях в общественном устройстве и неравномерности социального развития внутренних структур, неизбежно накладывали отпечаток и на политические отношения между Рязанью и половцами.

После относительного затишья в 30 — 40-х гг. в середине XII века половцы усиливают свой натиск на рязанские земли. В 1148 г. они вторглись набегом в рязанское пограничье, но были разбиты рязанцами, которые «многихъ Половецъ поби въ загоне» (Полное собрание ... , 1965а: 178). В 1150 г. половцы снова приходили на Рязань. «Князи же рязанские, собрав войска, пошли на них и, догнав на реке Большой Вороне, многих полов-

цов побили и в полон взяли» (Татищев, 1963: 26). Однако эти поражения не обескуражили половцев. В 1155 г. они снова «приходиша в Рязань на Хапортъ и много зла сотвориша, овехъ избиша, а другихъ въ пленъ отведоша» (Полное собрание ... , 1965а: 205). В следующем году набег повторился: половцы захватили большой полон в окрестностях Ельца на реке Быстрая Сосна, но на обратном пути в степь отягощенная добычей орда в очередной раз была уничтожена рязанским князем Ростиславом Ярославичем (там же: 207; Татищев, 1963: 58).

Как показывают источники, половецкий натиск на рязанские земли в середине XII в. был связан, прежде всего, с усилившимся в это время в северо-восточных русских княжествах процессом удельной раздробленности. Причем рязанские князья, несмотря на возросшую половецкую опасность на своих южных границах, принимали самое активное участие в многочисленных усобицах, раздиравших русские земли.

В середине XII в. на северные рубежи Рязанского княжества усиливают свое давление владими́ро-суздальские князья, которые стремятся навязать Рязани вассальные отношения. Одновременно рязанские князья ввязываются в затяжную усобицу на юге Руси, связанную с борьбой вокруг киевского стола. В 1147 г. рязанский князь Ростислав Ярославич решил поддержать претензии на великокняжеский стол одного из южнорусских князей Изяслава Мстиславича, который обещал оказать ему помощь против угрожавшего его землям суздальского князя Юрия Владимировича Долгорукого. Этот плохо продуманный политический шаг обернулся для Рязани затяжной войной с Суздалем. В том же 1147 г. войска суздальского князя Юрия Долгорукого сильно разорили территорию Рязанского княжества: «Ростиславъ же выбеже изъ Рязаня в Половце къ Ельтоукови» (Полное собрание ... , 2001b: 339; Полное собрание ... , 1949: 39). С помощью полученного от степняков войска Ростислав в конечном итоге смог отразить вторжение Юрия (Татищев, 1963: 170). Тем не менее, рязанский князь вынужден был признать свою зависимость от Суздаля.

Последующее десятилетие ознаменовалось постоянными попытками рязанских князей освободиться от суздальского влияния. В 1154 г. Юрий Долгорукий, обвинив рязанских князей в заключении антисуздальского союза со смоленскими князьями, направил войска на Рязань во главе со своим сыном Андреем (буд. Боголюбский). Ростислав вынужден был вновь бежать к половцам. Суздальцы заняли Рязань, местная рязанская династия была ликвидирована, а на княжеский стол в Рязани сел Андрей Юрьевич. Вскоре Ростислав, наняв среди половцев новое войско, выбил суздальский гарнизон из Рязани, заставив Андрея бежать к отцу «об одном сапоге» (Полное собрание ... , 1910: 117; Насонов, 1951: 199, 204). В конце концов, рязанский князь вынужден был снова признать вассалитет

Юрия, однако, в целом, попытка Долгорукого добиться ликвидации самостоятельности Рязанского княжества, посадив на рязанский стол представителей ростово-суздальских князей, не удалась. Во многом этот успех был достигнут лишь благодаря половецкой поддержке рязанских князей, что привело к росту роли кочевников в политической жизни Рязанского княжества. В то же время усобица ослабила обороноспособность рязанских земель, сведя на нет военные победы Рязани над половцами предшествующего времени.

Как показывает половецко-рязанская война 1148–1156 гг., для отражения кочевнических набегов рязанские князья использовали примерно такую же тактику, что и правители южнорусских земель. Уступая легкой половецкой коннице в маневренности, и не имея достаточно сил и средств, чтобы прикрыть от возможных вторжений кочевников границу на всем ее протяжении, рязанские князья предпочитали встречать напавшую орду в глубине своих владений. После того как половцы вторгались в русские земли и начинали грабить население на захваченной территории, княжеское войско спешило выступить из Рязани и пыталось перерезать кочевникам пути отхода назад в степь с тем, чтобы либо загнать их вглубь русских земель, где половцев затем легко было разгромить, либо принудить их к принятию регулярного сражения, исход которого всегда был заранее известен. В случае же, если орде удавалось все же отступить, ее пытались разгромить во время отхода, когда отягощенная захваченной добычей и пленными она становилась особенно неповоротливой. Эффективность этой тактики была настолько очевидна, что из четырех набегов половцев на рязанские земли в середине XII в. в трех рязанцам удалось разгромить неуловимую половецкую конницу. В то же время оборонительная тактика имела и свои недостатки. Главный из них заключался в том, что вне зависимости от исхода решительной схватки с рязанским войском, кочевникам прежде удавалось разграбить русские земли. Кроме того, стремление рязанских князей встретить противника только на своей территории приводило к тому, что расположенные в глубине степей основные половецкие кочевья оставались вне ударов русских дружин, и, следовательно, сохраняли свои силы для новых набегов.

Поэтому рязанские князья постепенно осознают необходимость организации походов вглубь степей. Обычно организаторами таких глубинных походов в половецкую степь во второй половине XII в. выступали великие князья владими́ро-суздальские, вассалами которых были рязанские и муромские князья. Об одном из таких походов летописи сообщают под 1160 г. Его организатором был владими́ро-суздальский князь Андрей Юрьевич Боголюбский, который направил «въ поле за Донъ далече» (Полное собрание ... , 1965а: 222) «сына Изяслава, с ним других князей многих, и все его войско, присовокупя рязанское и муромское» (Татищев,

1963: 78). Поход начался со сражения русских войск с половцами, которые были разбиты и бежали вглубь степи. Бросившиеся вдогонку за ними русские рати рассеялись с целью грабежа, но вскоре подверглись поодиночке нападению превосходящих сил половцев и сами потерпели поражение: «князи... возвратишася во своя отнюдь въ мале дружине, вси бо избиени быша въ поле отъ половцевъ» (Полное собрание ... , 1965а: 222).

В 1199 г. владими́ро-суздальский князь Всеволод Большое Гнездо снова ходил походом на половцев к Дону, причем летописец сообщает, что этот поход был организован по просьбе «князей рязанских». При приближении русских половцы вместе со своими вежами ушли в степи вниз по Дону. И Всеволод «идучи далеко подле Дона и не могли их сыскать, возвратился и пришел во Владимир» (Полное собрание ... , 2001а: 414–415; Полное собрание ... , 1965b: 31; Татищев, 1963: 166). Итогом похода 1199 г. стало разграбление половецких зимовищ. Тем не менее, большого результата этот поход не имел. Поэтому в 1205 г. рязанские князья организовали новый поход против половцев, причем на этот раз действовали самостоятельно. По сообщению летописца, «князь Роман, рязанский князь, с братьями... перебили множество половцев, а других множество к себе привели, и коней, и волов, и овец, а христиан немало освободили, и отпустили их по домам» (Инков, 2016: 157).

Несмотря на в целом успешный характер русских походов против половцев, полное умиротворение Половецкой степи, по-видимому, никогда не входило в планы рязанских князей. Не стремились они и к военному разгрому пограничных половецких орд, поскольку военные силы кочевников играли важную роль в борьбе рязанских князей за свою независимость от Владимиро-Суздальской Руси.

В 70-е гг. XII в. рязанский князь Глеб Ростиславич неоднократно привлекал наемные половецкие отряды для борьбы с Суздалем. Воспользовавшись смертью в 1174 г. Андрея Боголюбского и начавшейся усобицей между его наследниками, он попытался сбросить власть владимирских князей над Рязанью и, набрав среди половцев большое войско, в 1177 г. вторгся на территорию Владимиро-Суздальского княжества. Глеб с половцами начал воевать у Владимира и «много зла створи цркви Болюбьской... и села пожже боярьская, а жены и дети и товаръ да поганым на щить и многы цркви запали огнемъ» (Полное собрание ... , 2001а: 383; Полное собрание ... , 1949: 116). Зимой того же года войска владими́ро-суздальского князя Всеволода Большое Гнездо в битве на реке Колокше нанесли союзникам сокрушительное поражение: Глеб и его старший сын Роман Рязанские попали в плен, а поддерживавший их половецкий отряд был полностью уничтожен (Полное собрание ... , 2001а: 384; Инков, 2016: 137).

Осенью 1179 г. половцы «уведав, что все их князи с войском, бывшее у Глеба, побиты и пленены и что Глеб с сыном старейшим пленен,

собрался, пришли с войском в область Резанскую, где не имея никакого сопротивления, многие села пожгли и, поплена, возвратились» (Татищев, 1963: 119). На обратном пути отягощенные добычей степняки были разгромлены рязанским войском во главе с князем Романом Глебовичем. Таким образом, в событиях 1179 г. высветилась характерная черта половецко-рязанских отношений: половцы охотно откликались на призыв рязанских князей принять участие в их походах, которые были им выгодны возможностью пограбить богатые русские земли, но как только ситуация менялась, они, не раздумывая, разрывали союзные отношения и совершали набег на земли своего бывшего союзника. Поэтому союзы рязанских князей и половцев были относительно непрочными и недолговечными. Их длительность определялась способностью князей обеспечить половцев добычей, конкретной военно-политической ситуацией, а также личной выгодой обеих сторон.

Половецко-рязанские противоречия неоднократно использовали в своих интересах владими́ро-суздальские князья и Волжская Булгария. Последняя боролась с Рязанью за контроль над мордовскими племенами Окско-Цинского междуречья. В 1155 г. волжские булгары, воспользовавшись тем, что рязанские войска в этом году были заняты отражением набега половцев на южной границе, напали на Рязанское княжество с востока (Татищев, 1963: 98). В 1187 г. отражение рязанцами очередного половецкого набега (Полное собрание ... , 2001a: 406) привело к вторжению в Рязанское княжество с севера объединенных войск владими́ро-суздальского князя Всеволода Большого Гнезда и Всеволода Юрьевича Коломенского, результатом которого стало разорение рязанских земель за Окой (Полное собрание ... , 1965b: 18).

В начале XIII в. половецко-рязанские отношения принимают еще более беспорядочный характер, чем прежде. В значительной степени этому способствовали усиление центробежных тенденций внутри самого Рязанского княжества и новое обострение отношений рязанских князей с Владимиро-Суздальской Русью, в связи с чем правителям Рязани так и не удалось выработать какой-либо четкой единой политики в отношении половецкой степи. В 1208 г. в результате очередной усобицы со своим северным соседом Рязань была взята штурмом и разрушена войсками владими́рского князя Всеволода Большое Гнездо. Стремясь пресечь контакты мятежных рязанских князей с половцами, Всеволод отдал стратегически важный город Пронск своему союзнику муромскому князю Давиду. В следующем 1209 г. рязанским князьям с помощью половцев удалось изгнать Давида Муромского из Пронска и вернуть контроль над городом в свои руки (Инков, 2016: 157).

Вслед за тем, Рязанская земля фактически распадается на ряд уде-

лов, между которыми начинается упорная борьба за лидерство. В 1217 г. рязанские князья Глеб и Константин Владимировичи при помощи своей половецкой дружины истребили во время съезда в деревне Исады шесть других рязанских князей, рассчитывая с помощью этого убийства покончить с царившей в Рязанской земле раздробленностью и завладеть уделами убитых родственников (Монгайт, 1961: 355). Однако это чудовищное убийство не было поддержано населением. Испугавшись народного гнева, Глеб и Константин вынуждены были бежать к половцам, которые не преминули воспользоваться усобицей для грабежа рязанских земель. В 1218 г. Глеб и Константин во главе половецкого войска вторглись в рязанское пограничье, но были разбиты в сражении на р. Прони утвердившемся в Рязани князем Ингварем Игоревичем (Полное собрание..., 1965b: 81). В 1219 г. Глеб с половцами вновь попытался вытеснить Ингваря из Рязани.

На этот раз половецкая угроза была настолько велика, что Ингварю пришлось просить помощи у своих противников владимирских князей Юрия и Ярослава Всеволодовичей, которые направили на защиту Рязани войско во главе с воеводой Якуном Тимофеевичем. «Князь же Ингварь Рязаньский иде съ ними на Половцы; они же слышавшее ихъ бежаша, а кои не уйдоша, и техъ избиша, и возвратишася во свояси» (Полное собрание ... , 1965b: 82; Полное собрание ... , 1949: 116). Противник Ингваря Глеб Константинович бежал в степь, где вскоре «обезуме тамо и скончался» (Полное собрание ... , 1856: 243).

Столкновение 1219 г. было последним известием о половцах в рязанском летописании. В 1223 г. многие половецкие орды серьезно пострадали в результате вторжения в южнорусские степи монголо-татарских войск во главе с Джебэ и Субудаем. Накануне битвы на Калке летописец сообщает о большом сражении половцев с монголами, состоявшемся где-то в степях, в котором погибли глава Донецкого половецкого союза хан Юрий Кончакович и многие другие предводители половцев (Полное собрание ... , 2001b: 740). Немногие уцелевшие после татарского погрома половецкие орды вплоть до середины 30-х гг. XIII в., по-видимому, еще продолжали кочевать в междуречье Волги и Дона, но в политическом и военном отношении они были уже настолько слабы, что мало интересовали русских летописцев.

Взаимоотношения Рязани и половцев получили в исторической литературе негативную оценку. Сложилось мнение, что нашествие половцев привело к утрате Рязанским княжеством части плодородных земель на юге страны, изъятию их из земледельческого оборота, истреблению или бегству жившего в Подонье оседлого земледельческого населения, уцелевшая часть которого обратилась в полукочевое состояние, образовав хорошо известные по источникам отряды бродников (Насонов, 1951: 204), разрыву торговых путей, связывавших Рязанскую землю с Византи-

ей и Кавказом (Монгайт, 1961: 312, 339).

Однако все эти выводы не находят подтверждения в источниках. Так, данные археологии не подтверждают существования древнерусского оседлого населения на среднем Дону накануне прихода в этот район половцев. Несмотря на периоды активного половецкого натиска на Рязань в XII — начале XIII в., ее юго-восточная граница, проходившая по р. Проне, вплоть до моноло-татарского нашествия не претерпела существенных изменений, что позволяет отказаться от вывода об отторжении от Рязанской земли половцами каких-либо территорий на юге.

Не вполне обоснован вывод ряда историков о прерывании половцами торговых путей из Рязани через Половецкую степь в страны Кавказского региона и Византию. Единственным источником, который, на первый взгляд, подтверждает этот вывод, является «Повесть о Николе Зарайском». В ней говорится о некоем Евстафии, который должен был доставить икону Николы из Корсуня в Рязань. «И мыслиша ити вверх по Непру, и паки ити за Днепр в Половецкую землю на восток к Рязанския земли». Но даже сам святой Никола не берется защитить Евстафия от «поганых половец» и советует ему добираться до Рязани окружным путем через Ригу и Новгород (Повесть о Николе Зарайском, 1949: 28). Согласно «Повести», описываемые события происходили в 1225 г. Однако указанные затруднения с движением купцов и послов через половецкую степь в рассматриваемое время не обязательно были связаны с бесчинствами половцев. Арабские источники, относящиеся примерно к тому же времени, что и «Повесть о Николе Зарайском», также рисуют картину хаоса и беспорядка в Половецкой степи в начале 20-х годов XII в., но связывают их причину прежде всего с вторжением во владения половцев в 1222–1223 гг. монголо-татарских войск во главе с полководцами Чингисхана Субедеем и Джебе-найоном. «Пресекся... путь (сообщения) с нею (землей половцев) с тех пор, как вторглись татары в нее и не получалось от них (половцев) ничего по части буртасских мехов, белок, бобров и (всего) другого, что привозилось из этой страны. Когда же они (татары) покинули ее и вернулись в землю свою, то путь восстановился, и товары опять стали привозиться, как было прежде» (Тизенгаузен, 1884: 28). Как можно заключить из приведенного источника, именно татарский погром, сопровождавшийся уничтожением половецкой знати и развалом крупных половецких протогосударственных объединений, привел к хаосу и беспорядкам в степи, вследствие чего всякое движение торговых караванов через южнорусские степи временно прекратилось. Затем после ухода татар положение постепенно нормализовалось и вернулось к обычному состоянию, которое было раньше. Тем не менее можно полагать, что нормализация положения, по-видимому, происходила не сразу и, по крайней мере, в 1225 г. беспорядки на торговых путях все еще продолжались, вследствие чего

рязанское посольство из Корсуня в этом году не смогло вернуться домой.

Таким образом, невозможность для Евстафия и его товарищей пройти из Корсуня в Рязань через владения половцев была вызвана прежде всего экстраординарными причинами, связанными с недавним монголо-татарским вторжением. В то же время это вовсе не означает, что указанный путь перестал действовать задолго до рассматриваемых событий. Наоборот, намерение Евстафия первоначально идти на Русь по Днепру, а оттуда через половецкую степь на восток в Рязань говорит о том, что этот путь был ему хорошо знаком и, по-видимому, регулярно использовался рязанцами для сообщений с Крымским полуостровом не только в XIII в., но и в более раннее время.

Как показывают письменные и археологические источники, в XII — начале XIII в. продолжали функционировать и другие южные торговые пути Руси. Более того, торговля Руси через половецкую степь в это время значительно расширяется по сравнению с предшествующим периодом. В значительной степени этому способствовала заинтересованность половецкой знати в развитии транзитной торговли через свои степи, которая позволяла им богатеть за счет сбора пошлин с проходивших караванов. Выгодность этой торговли была настолько очевидной, что половцы разрешали купцам свободно передвигаться по степи даже в период активных военных действий против Руси (Полное собрание ..., 2001b: 635).

Подводя итог рассмотрению взаимоотношений Рязани и половцев в XII — XIII вв. можно сделать следующие выводы: 1) следует отказаться от распространенного в исторической литературе мнения о том, что на протяжении всего рассматриваемого времени Рязанское княжество вело длительную и упорную борьбу с половцами. Военные столкновения с кочевниками носили, в целом, эпизодический характер. Они перемежались периодами относительно длительного мирного сосуществования и даже заключением военных союзов против угрожавших в равной степени обеим сторонам суздальских князей; 2) вторжение половцев в левобережье Дона не привело к большим территориальным потерям Рязанской земли. Хотя половецкие набеги наносили значительный урон экономике рязанского пограничья, их последствия, в целом, были сопоставимы с последствиями удельных усобиц, имевших место внутри Рязанского княжества; 3) половецкий фактор оказывал весьма значительное влияние как на внутренне-, так и на внешнеполитическое положение Рязанской земли. В то же время половцы не имели достаточно сил, да и никогда не стремились к уничтожению Рязанского княжества, которое играло важную роль в развитии экономических связей доно-хоперских орд с русскими землями; 4) налаживанию прочных долговременных связей Рязани и половцев мешало, прежде всего, отсутствие как с той, так и с другой стороны политиче-

СКОГО единства.

#### ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup>Рязанское летописание до нас не дошло. Отрывочные сведения о нем сохранились преимущественно в составе Никоновского летописного свода XVI века.

<sup>2</sup>В оценке рязано-половецких отношений М. В. Кривошеев целиком полагается на выводы А. Л. Монгайта.

<sup>3</sup>Об этом говорит, например, то обстоятельство, что в 1131 г. во время рязано-половецкой войны для борьбы с половецкой группировкой были мобилизованы практически все силы Рязанской земли («князи Рязанские, Пронские и Муромские»).

<sup>4</sup>По мнению А. Л. Монгайта, столкновения Рязани с половцами могли начаться ранее второй четверти XII в., что, по мнению автора, следует связывать с обычным недостатком летописных известий о Рязани в предшествующее время (Монгайт, 1961: 337). В то же время достоверность известий 1131 г. подвергается рядом историков сомнению (Кузьмин, 1965: 74, 75). Некоторые исследователи отодвигают начало военных действий половцев против Рязани к середине XII в. (Цыбин, 1999: 130). Вместе с тем, не верить известию 1131 г. о половецко-рязанской войне нет никаких оснований. Контакты рязанских князей и половцев ранее середины XII в. косвенно подтверждаются письменными источниками. Под 1147 г. Ипатьевская летопись, сведения которой обычно признаются историками достаточно надежными, сообщает о бегстве к половцам рязанского князя Ростислава Ярославича (см. в тексте), что свидетельствует о том, что к этому времени обе стороны уже имели давние контакты, в том числе, возможно, заключили между собой военный союз.

<sup>5</sup>Ряд письменных источников фиксирует существование русских поселений много южнее установленной границы Рязанской земли, по Червленому Яру, по Хопру и по Великой Вороне (Полное собрание ... , 1954а: 205; Татищев, 1963: 26). Однако эти поселения, расположенные далеко в тылу Половецких степей, как справедливо доказал А. Н. Насонов, едва ли существовали в действительности (Насонов, 1951: 215).

<sup>6</sup>Существует несколько версий того, куда был направлен этот поход Всеволода. По мнению Ю. В. Сухарева (Сухарев, 2002: 33), он был направлен в низовья Дона, в район Белой Вежи или даже в дельту Дона, куда автор помещает таинственные половецкие «города», упоминаемые в источниках в начале XII в. М. В. Цыбин (Цыбин, 1999: 135) считает, что поход Всеволода мог быть направлен только против ближайших от Рязанского княжества половцев, которых он локализует в междуречье Дона и Хопра. В пользу второй точки зрения говорит короткая продолжительность похода (конец апреля — начало июня). Учитывая, что половину месяца, в течение которого длился этот поход, занял обратный путь, русские рати вышли к половецким кочевьям через две недели после его начала. Даже если предположить, что войско Всеволода было конным, за это время оно могло пройти с учетом остановок на отдых не более 400–500 км. Для сравнения: расстояние от Владимира-на-Клязьме до Белой Вежи по прямой составляло ок. 950 км; от Рязани — ок. 800 км. Таким образом, достичь дельты Дона войско Всеволода не могло просто физически. Кроме того, следует иметь в виду, что половецкие зимники, упоминание летописца о которых, видимо, ввело Ю. В. Сухарева в заблуждение относительно местонахождения половецкой орды, не обязательно должны были находиться в дельте Дона, поскольку в конце XII в. половцы, повсеместно перешедшие ко второй стадии кочевания, стали устраивать зимники и летовища в местах своего постоянного кочевания. По данным археологии, много половецких зимников было в Доно-Хоперском междуречье, в районе, непосредственно граничившем с терри-

ей Рязанского княжества. От южной границы Рязанской земли владения кочевавших здесь половцев отделяло примерно 400 км, что, в целом, укладывается в две недели пути, затраченного на преодоление этого расстояния войском Всеволода. Однако, несмотря на усилия суздальского князя нанести орде поражение в ее кочевьях, половцы легко избежали разгрома, откочевав в низовья Дона.

<sup>7</sup>Датировка половецкого набега В. Н. Татищевым 1178 г. является неточной, поскольку в этом году Роман Рязанский не мог возглавить его отражение, так как находился в суздальском плену, будучи захвачен вместе с отцом в битве на реке Колокше. После смерти отца Глеба Ростиславича в следующем 1179 г. Роман был отпущен Всеволодом Большое Гнездо в Рязань на княжение. Тогда то, вероятно, он и разбил половцев (Монгайт, 1961: 350).

### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Иловайский, Д. И. (1997) Рязанское княжество. М. : Чарли: Алгоритм. 506 с.

Инков, А. А. (2016) Летописец Переяславля Суздальского: предисловие, перевод, комментарий. М. : Изд-во Московского гуманитарного университета. 293 с.

Каргалов, В. В. (1967) Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси: Феодальная Русь и кочевники. М. : Высшая школа. 266с.

Кривошеев, М. В. (2000) Муромская и Рязанская земли в XI — начале XIII в. : дисс... канд. ист. наук. СПб. 184с.

Кузьмин, А. Г. (1965) Рязанское летописание: Сведения летописей о Рязани и Муроме до середины XVI в. М. : Наука. 286с.

Монгайт, А. Л. (1961) Рязанская земля. М. : Изд-во АН СССР. 400с.

Насонов, А. Н. (1951) «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М. : Изд-во АН СССР. 282с.

Плетнева, С. А. (1963) Кочевнический могильник у Саркела — Белой Вежи // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. III. / Материалы и исследования по археологии СССР. № 109. М. ; Л. : Изд-во АН СССР. С. 216–259.

Плетнева, С. А. (1964) О юго-восточной окраине русских земель в домонгольское время // Краткие сообщения Института материальной культуры. Вып. 99. М. : Изд-во АН СССР. С. 24–33.

Плетнева, С. А. (1975) Половецкая земля // Древнерусские княжества X–XIII вв. М. : Наука. С. 260–300.

Повесть о Николе Зарайском (1949) // Труды отдела древнерусской литературы. Т. VII. М. : Изд-во АН СССР. С. 257–406.

Полное собрание русских летописей (1910). СПб. : Тип. М. Л. Александрова. Т. XX. Львовская летопись. Ч. 1. 423+268с.

Полное собрание русских летописей (1949). М. : Изд-во АН СССР. Т. XXV. Московский летописный свод конца XV в. 462с.

Полное собрание русских летописей (1965а). М. : Наука. Т. IX. Никоновская летопись. 244с.

Полное собрание русских летописей (1965b). М. : Наука. Т. X. Никоновская летопись (продолжение). 256с.

Полное собрание русских летописей (2001а). М. : Языки славянской культуры. Т. I. Лаврентьевская летопись. 496с.

Полное собрание русских летописей (2001b). М. : Языки славянской культуры. Т. II. Ипатьевская летопись. 648с.

Полное собрание русских летописей. (1856) СПб. : Тип. Э. Праца. Т. VII. Вокресенская летопись. 346с.

Сухарев, Ю. В. (2002) Всеволод Большое Гнездо // Московский журнал. История государства Российского. № 2. С. 28—35.

Татищев, В. Н. (1963) История Российская. М.; Л. : Наука. Т. III. 352 с.

Тизенгаузен, В. Г. (1884) Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб. : Издано на иждивение графа С. Т. Строганова. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. 564с.

Федоров-Давыдов, Г. А. (1969) Город и область Саксин в XII—XIV вв. // Древности Восточной Европы. М. : Наука. С. 353—262.

Цыбин, М. В. (1999) Половцы и Рязанская земля // Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 13. Евразийская степь в эпоху металла. Воронеж : Изд-во Воронежского государственного университета. С. 130—139.

*Дата поступления: 03.02.2016 г.*

**Инков Александр Александрович** — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Московского гуманитарного университета. Адрес: 111395, Россия, г. Москва, ул. Юности, д. 5. Тел.: +7 (499) 374-55-81. Эл. адрес: [antigon1922@yandex.ru](mailto:antigon1922@yandex.ru)

**Inkov Aleksandr Aleksandrovich**, Candidate of History, Associate Professor, Department of History, Moscow University for the Humanities. Postal address: 5 Yunosti, St., 111395 Moscow, Russian Federation. Tel.: +7 (499) 374-55-81. E-mail: [antigon1922@yandex.ru](mailto:antigon1922@yandex.ru)